

Стоявшая у порога жизни, толкнула неизвестность.
В горнице доканчивали третью бутылку водки, еб-
дить мешка а некий порешили на перьой впад.

20.

- В доме Коринтовых царила предавденная, вцета.
Кавесте, наспех дошивали все-то из белья, на-
малыз целые вечера просиживала возбуждая между
традиционной шарф из козьего дымчатого пуха
и пуховое перчатки. Митинишка, змулае до поме-
лок как швейной машинкой, полагала взятой
на дом из станицы портняж. Митыня приехал
с отцом и работниками с полз вхожу в дом и
не утробае, не елигаз с нахоженая пог тзвья
нальских черников поджамавал к Наташе. Влеу
доставляло баыиуиуе удовольствия изводити асепру.
— Взмешь? — коротко спрашивал он до подлигива
на пичишнее моря шарфа.
— Ну, а вмау. А тебе-то сево?
— Взны, взны, дура, а он замесит благодарности
моргу тебе кажет.
— За что?
— За здорово живешь. Я ить небось знаю, Гришину,
небось, тов друзвзач с ним. Это такой кобель,
уиуиуи и не скажет за что.
— Не дречи ты, шибать з ебо не знаю.
— Я-то поджонен знаю. В школу влесте родили.
Митыня тзвья и приговорно вздыхал и разлагавал
исцарапанное вылали флагом мизко туз вассуиу
стропику спину.
— Пропадешь ты за ним, Наташю. Суди лучше в
девках. Сево в кем доброе кешола? Страшен
кокет не кадеши, бурловатой какой-то... Мн
прижидает — по-са-кой перень!
Наташья сердилась, потом хотала влезть и
мизко над шарфом сложзла мамое лицо.
— А главное — сухота у него есть... — влиднчал
Митыня, — Сево-м то кричиши? Глупае, по,
Наташю! Откажи, я зарез заедула конз
и поезд, скажу, мол, не забывайтесь боле...
Варула Наташю дед Гришана: входи он в горну
уиуиуи иишкастая Крестовна пробнотт поа
и расклаивал Митину коноит борода, свазывиуе
в одну кучу с димнотцими уеали, спрашивал у
Митыни тата коестоме.
— Мн сево, поганец, забвчез суза? Асе?
— На поезд замес, ведиэ. — оправдавас Митыня.
— Проведать? Асе? Я тебе, поганец, вель уиуиуи
отвечэ. Шагом ари!
Дед взнаивал коестоме и поджигал к Митыне.
Кембердо переставля вассиуи в баму пош.